

Он закрыл глаза, наугад взял один пирожок, откусил и чуть не сломал зуб, схватившись за щеку:

— Какая грубая работа, могли бы хотя бы косточку убрать!

— Ох, вы выбрали пирожок с финиками!

Шуй Янь и Хань Янь подпрыгнули, словно их укололи.

— Госпожа, скорее ешьте, это хороший знак!

Какой там знак... Вы что, хотите, чтобы я родил предков для Чи Юэ?

Янь Були почувствовал, что пирожок крошится, перевернул его и увидел, что снизу вылезла начинка, коричневая паста из фиников испачкала ему руку.

Чёрт, этот пекарь совсем не старался. Он с трудом съел пару кусочков, случайно взглянул на сваху, стоящую у стола, и вдруг показалось, что она ему знакома.

Подождите, вылезла начинка... Вылезла начинка?!

Сваху с густым макияжем заметила его взгляд, кокетливо подняла голову и бросила ему игривый взгляд.

Янь Були подавился, весь задрожал, и пирожок выпал из его рук, разбившись на куски...

Боже мой! Хуа Да-е, ты действительно мастерски подставляешься!!

— Первый раз расчёсываю до конца, второй раз — до седых волос, третий раз — до полного дома внуков...

Красная деревянная расчёска скользила по чёрным волосам, как по гладкому шёлку, но рука свахи всё равно дрожала.

Она занималась свадьбами больше десяти лет и повидала многое, но никогда раньше не причёсывала мужчину.

Чи Юэ тоже начал терять терпение, сидя перед зеркалом и постукивая пальцами:

— Неужели выход замуж для женщины так сложен?

— Простите, патриарх, но свадьба для женщины — самое важное событие в жизни. Скоро она выйдёт замуж и встретит человека, с которым проведёт всю жизнь, поэтому нужно выглядеть

безупречно, и правила неизбежно сложны.

Она сделала паузу.

— Я ошиблась, вы мужчина, поэтому, конечно, можно упростить.

— Делай как положено, не упрощай.

Хотя он считал, что и так достаточно красив, но это случается раз в жизни, и ради своей судьбы стоит стать ещё красивее.

— Патриарх так любит свою госпожу, что даже на свадьбе позволяет ей делать всё по своему усмотрению, я просто завидую.

— Если не позволю, она не будет со мной играть... — Чи Юэ с гримасой сказал. — Я ведь не могу просто связать её и посадить в паланкин.

Даже связать недостаточно, нужно ещё и рот заткнуть, иначе все гости услышат, как невеста будет ругать предков жениха весь день без повторений.

— Я уже многое повидала, позвольте сказать. Вы говорите, что не хотите, но на самом деле вам нравится с ней играть, не так ли?

Чи Юэ задумался и понял, что это действительно так.

Он давно занимал высокое положение, был холоден, капризен и непредсказуем, и никто не смел ему перечить. И вдруг он столкнулся с тем, кто не боится идти наперекор... и это действительно затягивает. ==

Чёрт, неужели у меня есть склонность к мазохизму?

Чи Юэ дёрнул бровью, и сваха провела линию косметики криво.

— Кто это в зеркале?

Янь Були смотрел на медное зеркало, сглатывая слюну.

Белоснежная кожа, как застывший нефрит, губы, как ярко-красные жемчужины. Глаза, как осенняя вода, отражающая звёзды, улыбка, как весенний ветер, пугающий лебедей. Тонкие брови, как ивы, красная точка на лбу, всё это полускрыто под чёлкой. Золотой феникс с жемчужиной в клюве взлетал на вершине свадебного венца, а ярко-красное свадебное платье сияло на его теле, наполняя комнату блеском.

— Это вы, госпожа... Ну как? Вам нравится макияж? — Хань Янь улыбнулась.

— Очень нравится.

Настолько, что он хотел бы сам на себя залезть...

— Госпожа, вы уже готовы?

Сваха, стоящая рядом, подошла, покачивая бёдрами.

Шуй Янь посмотрела на женщину и почувствовала, что та ей незнакома:

— Вы сваха из деревни Ван?

— Сваха Ван сейчас с патриархом. Я её двоюродная тётя, племянница, дочь, троюродная сестра... Вчера я услышала, что патриарх и госпожа поменялись местами, и меня временно позвали помочь!

Она улыбнулась.

— Девушки, сегодня много свадебных правил, мне нужно поговорить с госпожой наедине, пожалуйста, оставьте нас.

Янь Були тоже махнул рукой:

— Идите отдохните, мне нужно кое-что обсудить со свахой.

— Хорошо.

Шуй Янь и Хань Янь вышли вместе с остальными служанками, и в комнате остались только двое, смотрящие друг на друга.

— Красавица... — Хуа Усинь подошёл ближе, облизывая губы. — Давно не виделись, ты скучал по мне до кровавого кашля и слёз?

Янь Були почувствовал тошноту от густого запаха пудры и чуть не вырвал.

Хуа Усинь ловко отпрыгнул на три шага, прикрывая грудь:

— Ты ранил меня, а потом просто вырвал...

— Пф, это все твои ужасные пирожки, что это за работа?!

Хотя Янь Були с детства привык к роскоши, у него был собачий вкус, и он мог есть всё подряд, не разбирая. Но за это время Чи Юэ успел его избаловать.

Хуа Усинь смущённо моргнул:

— Возможно... начинка была немного старой.

— Как давно?

— В прошлом году или позапрошлом?

Он поднял голову, стараясь вспомнить.

— ...

Янь Були пожалел, что не вырвал на него, и закатил глаза:

— Зачем ты пришёл? Искать смерти?

— Ц-ц, Янь-ди, ты слишком жесток.

Хуа Усинь притворно вытер несуществующие слёзы.

— Мы ведь братья, я приложил столько усилий, чтобы проникнуть в Демоническую секту, чтобы проводить тебя в последний путь, а ты так неблагодарен.

— Спасибо всей твоей семье.

Янь Були раздражённо ответил.

— Теперь ты меня увидел, можешь убираться.

— Давай поболтаем ещё на пяточок, иначе я даже на дорогу не заработаю.

Хуа Усинь вытащил из-за пояса маленький веер и начал им махать.

— Ты действительно собираешься умереть вместе с Чи Юэ?

— Это называется умереть за месть, понимаешь?

Янь Були вздохнул.

— Я не смог получить схему Массива десяти тысяч призраков, поэтому мне придётся убить Чи Юэ, иначе Праведный путь просто погибнет, атакую Секту Врат Преисподней.

— Насколько ты уверен, что сможешь его убить?

— На семьдесят процентов.

— Тогда я точно не могу уйти.

Хуа Усинь закрыл веер.

— Я — оставшиеся тридцать.

— Что?!

— Я — глава Терема Всезнания, а также советник Союза боевых искусств. Сяо Линьцзы — это человек, которого глава Союза, господин Гу, внедрил в Школу Суншань. Что касается Инь Мэйсюэ... она теперь тоже в нашей команде.

Хуа Усинь опустил глаза.

— Когда я уговаривал тебя стать шпионом, у меня действительно были свои мотивы, я использовал твою ненависть. Но это не значит, что я могу просто смотреть, как ты жертвуешь жизнью ради Секты Врат Преисподней.

— Хуа, что ты говоришь? Вы все... люди из Союза боевых искусств?

Янь Були нахмурился, вдруг почувствовав, что этот человек стал чужим.

Он всегда думал, что они четверо, хотя и из разных школ, но единомышленники, с одинаковыми взглядами. Их объединила судьба, они стали братьями, непобедимыми Четырьмя волками цзянху.

А теперь ты говоришь, что это была игра?!

— Да, но я всегда считал тебя братом.

Хуа Усинь горько улыбнулся.

Он мог бы продолжать скрывать это до самой смерти Янь Були, до тех пор, пока трава на его могиле не вырастет на пять футов, а затем прийти на могилу, бросить горсть бумажных денег и поплакать, рассказав этому идиоту, как долго его обманывали. Возможно, это даже заставило бы его воскреснуть и выпрыгнуть из могилы, чтобы избить Хуа Усиня до неузнаваемости...

Но когда он увидел, как Янь Були узнал его маскировку, и в его глазах мелькнула искра, Хуа Усинь почувствовал острую боль в груди. Это место стало слишком пустынным после смерти Фан Де, и он думал, что больше не сможет вырастить что-то под названием совесть.

Оказывается, он ошибался.

В жизни многое рождается временем, и многое временем же погребается. Но есть вещи, которые время не может отнять. Как тот человек, который стоял и улыбался ему, его лицо

осталось неизменным...

— Брат? Ха.

Янь Були холодно усмехнулся.

— Я недостойн быть твоим братом.

Хуа Усинь вздохнул:

— Если ты зол, можешь побить меня, я не буду сопротивляться.

— Иди к чёрту, лицемер! У меня сейчас нет сил, если я буду бить тебя, это я буду страдать!

Янь Були сжал кулаки, дрожал несколько раз, а затем разжал их, чувствуя себя полностью истощённым, едва дыша.

— Лао Янь...

— Не нужно ничего говорить. Даже если бы вы не подталкивали меня, я всё равно рано или поздно оказался бы в Секте Врат Преисподней. От судьбы не убежишь. Просто я был слишком глуп и наивен, и за это братья обманывали меня снова и снова.

<http://bllate.org/book/15303/1352377>